

УДК 159.99

<https://doi.org/10.26516/2304-1226.2019.29.91>

Учет половозрастных особенностей потенциальных участников буллинга при планировании работы психолога по его профилактике

К. С. Шалагинова, Т. И. Куликова, С. А. Залыгаева

*Тулский государственный педагогический университет им. Л. Н. Толстого,
Тула, Россия*

Аннотация. Представлены результаты эмпирического исследования половозрастных особенностей потенциальных участников буллинга, и определены основные мишени, требующие учета при планировании работы психолога по профилактике школьной травли. Анализ зарубежных и российских психологических изысканий по проблеме школьного буллинга позволил выдвинуть предположение о том, что риск попадания в буллинг-группы потенциальных участников определяется пересечением типичных для каждого возраста и пола свойств и качеств личности. Для установления тесноты связи между выделенными параметрами проводилась статистическая обработка данных с применением коэффициента ранговой корреляции Спирмена; критерия χ^2 Пирсона и коэффициента сопряженности V Крамера. Наиболее ярко половозрастной аспект проявляется в подростковом возрасте.

Ключевые слова: половозрастной аспект буллинга, потенциальные участники буллинга, профилактика школьной травли.

Для цитирования: Шалагинова К. С., Куликова Т. И., Залыгаева С. А. Учет половозрастных особенностей потенциальных участников буллинга при планировании работы психолога по его профилактике // Известия Иркутского государственного университета. Серия Психология. 2019. Т. 29. С. 91–104. <https://doi.org/10.26516/2304-1226.2019.29.91>

Введение

Феномен буллинга в современной школе является широко распространенным. По результатам различных исследований, с явлением буллинга в школе сталкивается постоянно или эпизодически порядка трети учеников. Практика показывает, что формы буллинга носят преимущественно вербальный характер: крики, унижительные замечания, оскорбления, издевательства, «злые» шутки, задевающие честь и достоинство. Между тем четверть современных детей сталкивается и с физическим проявлением буллинга, угрозами физической расправы [Собкин, Маркина, 2009].

Российские специалисты, занимающиеся проблематикой школьной травли (Л. С. Алексеева, А. А. Бочавер, И. С. Бердышев, О. Л. Глазман, С. В. Кривцова, Д. А. Кутузова, В. Р. Петросянц и др.), обращают внимание на явно заниженный характер указанных цифр. Упомянутая проблема неоднозначна. С одной стороны, следует признать, что тема жестокости вообще

и в детском возрасте в частности была и остается одной из древнейших. Насилие издавна считается самым примитивным и быстрым способом решения проблем, «скорого» получения желаемого результата [Бочавер, Хломов, 2013].

Термин «буллинг» появился в научной литературе лишь в начале 90-х годов прошлого столетия. Прежде для обозначения систематической травли одного человека группой людей использовался термин «моббинг» [Кривцова, Шапкина, Белевич, 2016], который впервые был применен шведским врачом П. П. Хайнеманном, проводившим исследования группового поведения детей в учебной среде, проявляющегося в грубых и жестоких формах.

Однако значительный интерес зарубежных психологов феномен «школьная травля» (*school bullying*) был вызван публикацией книги *Aggression in the schools. Bullies and whipping boys* в 1978 г. норвежским исследователем Д. Ольвеусом. Таким образом, Д. Ольвеус сделал явление буллинга видимым, признаваемым, что позволило включить его в область психологической науки [Olweus, 1978].

В дальнейшем Д. Лейн и Э. Миллер подробно описали буллинг (школьную травлю) как длительный процесс абсолютно сознательного жестокого физического и (или) психического отношения одного ученика или группы детей к другому ребенку или другим детям [Лэйн, 2001].

Мотивами буллинга могут быть месть, зависть, конкуренция, соперничество и просто личная неприязнь к объекту травли. В качестве причин травли могут выступать потребность во власти, превосходстве, удовлетворение от причинения вреда и страдания другим, агрессивное поведение отдельных личностей. Не стоит также забывать и об удовлетворении садистских склонностей детей. Такая опасная мотивация встречается у определенной категории акцентуированных и дисгармонично развивающихся личностей.

Одной из причин травли, по мнению Д. А. Кутузовой, является «необычность ребенка», его исключительность или отличие «от принятых в группе стандартов» [Кутузова, 2006; 2011]. Автор считает, что для возникновения ситуации травли достаточно даже одного ученика в школе, желающего самоутвердиться за счет унижения других.

Российскими учеными выявлены «сенситивные, т. е. наиболее чувствительные к насилию периоды жизни и развития ребенка, связанные с происходящими анатомо-физиологическими, гормональными, эмоционально-личностными и психосоциальными изменениями, которые делают его наиболее уязвимым и драматизируемым. Прежде всего, это дошкольный и подростковый возрастные периоды» [Алексеева, 2016, с. 13–14].

На основе данных зарубежных исследователей А. А. Бочавер и К. Д. Хломов констатируют, что прямой травле подвергаются в основном учащиеся младшей школы, тогда как в средней и старшей школе в большей степени наблюдается косвенная травля. Также установлено, что мальчики больше девочек склоняются участвовать в травле в разных ролях (жертва, преследователь, свидетель) и в то же время мальчики сами чаще становятся жертвами физической травли – у них отбирают деньги и портят их вещи, им

угрожают и заставляют их что-то делать. Девочки чаще всего становятся жертвами сплетен, непристойных высказываний и жестов со стороны буллеров [Бочавер, Хломов, 2013].

Анализируя статистические данные в отношении жертв буллинга, полученные Ольвеусом, С. В. Кривцова приходит к выводу о том, что явных гендерных отличий жертв буллинга не существует – и мальчики, и девочки примерно в равной степени подвергаются травле. Однако при этом обнаружены явные возрастные отличия: число жертв буллинга в младших классах почти в три раза выше, чем в старших. Данные показатели относятся и к мальчикам, и к девочкам. В то же время обнаружены достаточно значимые полоспецифические отличия у буллеров: «...почти в четыре раза больше мальчиков, чем девочек, заявили о том, что сами совершали действия буллинга. И если число девочек-буллеров с возрастом снижалось ... то число мальчиков, наоборот, возрастало...» [Кривцова, Шапкина, Белевич, 2016, с. 102]. Исследователи предполагают, что существует определенное число «скрытых» (не выявляемых с помощью имеющихся опросников) буллеров среди девочек, но более точных данных по этому вопросу пока нет.

Следует иметь в виду тот факт, что девочки в большей степени склонны к косвенному буллингу или нарушению отношений привязанности, а это затрудняет их идентификацию в качестве буллеров. Зачастую девочки в своем самовосприятии не считают себя таковыми. Исследователи полагают, что говорить о более точном количестве буллеров-девочек не представляется возможным, так как «скрытые» буллеры не выявляются существующими на сегодняшний день опросниками [Там же].

Буллинг представляет собой конкретную систему взаимоотношений в коллективе, которую принято называть буллинг-системой. Она дает четкое представление о возможных ролях и позициях: агрессор, присоединившийся участник, свидетель-подстрекатель, свидетель-аутсайдер, защитник, жертва и др. [Лэйн, 2001].

Индивидуально-психологические особенности участников буллинга могут различаться в зависимости от роли или позиции в ситуации травли. Ученые часто говорят о том, что существуют внутренние предпосылки, которые способствуют тому, что ребенок наиболее активно осваивает определенную из этих ролей. Так, жертвы буллинга характеризуются «снижением самоуважения, аутосимпатии, самопринятия и повышением самообвинения; наличием выраженных проблемных переживаний в области собственной личности, школы, сверстников, родительского дома, будущего ... неприятия себя и других, эмоционального дискомфорта, ухода в себя и ожидания внешнего контроля; ... относительно высокими показателями враждебности; высокими показателями эмоциональности и снижением личностной нервно-психической устойчивости; склонностью к повышенной напряженности» [Петросянц, 2010]. Как правило, жертвы чувствительны, тревожны, плаксивы, физически слабы, они отличаются низкой самооценкой, а после факта травли или насилия склонны испытывать стыд и неуверенность в себе и полагают, что заслужили свои страдания. Невольные свидетели, или

«наблюдатели», происходящего ощущают собственное бессилие, их самооценка, так же как и у жертв, заметно снижается [Лэйн, 2001].

Свидетели травли ощущают небезопасность среды, переживают страх, беспомощность, стыд за свое бездействие и в то же время желание присоединиться к агрессору, а иногда удовлетворение от мысли «хорошо, что это происходит не со мной». Если травля не прекращается, у свидетелей слабеет способность к эмпатии [Бочавер, Хломов, 2013].

У буллеров возникают проблемы с развитием эмпатии по отношению к другим, они получают удовольствие от власти и высокого статуса по сравнению с жертвой. Кроме традиционно выделяемых ролей участников буллинга, в некоторых исследованиях можно встретить указание и на такую категорию, как «агрессивная жертва».

Эти особенности могут быть как следствиями травли, так и ее предпосылками, своеобразными «сигналами» другим детям о том, что ребенка легко сделать жертвой [Глазман, 2009]. Многие агрессивные жертвы склонны проявлять насилие по отношению к младшим детям и более слабым сверстникам.

Обзор психологических исследований позволил нам систематизировать личностные характеристики школьников – потенциальных участников буллинга: враждебность и агрессивность, социометрический статус, уровень и направленность аффективных реакций, специфика поведения в конфликтной ситуации. Очевиден тот факт, что риск стать жертвой, равно как и буллером, существует у так называемых потенциальных участников – наблюдателей, свидетелей и т. д. Такие потенциальные участники, по нашему мнению, составляют «группы риска». Анализ работ зарубежных и отечественных ученых позволяет утверждать, что на современном этапе исследований проблемы буллинга достаточно подробно изучена степень распространенности данного явления, выявлены формы проявления буллинга. Гораздо меньше исследований, рассматривающих индивидуальные характеристики и половозрастные особенности участников школьной травли, тогда как «именно они прежде всего интересны для психолога, так как те или иные внешние признаки, особенности поведения, социальный статус и др. могут быть не только характерной чертой, но и причиной принятия учащимися тех или иных ролей в ситуации буллинга» [Екимова, Залалдинова, 2015, с. 7].

Методы исследования

Все вышеизложенное определило цель нашего исследования – выявление половозрастных особенностей потенциальных участников буллинга в образовательной среде и определение основных мишеней, требующих учета при планировании работы психолога по профилактике и минимизации риска школьной травли.

В качестве гипотезы было выдвинуто предположение о том, что риск попадания в буллинг-группы потенциальных участников определяется пересечением типичных для каждого возраста и пола свойств и качеств личности (враждебность и агрессивность, социометрический статус, уровень и направленность аффективных реакций, специфика поведения в конфликт-

ной ситуации); наиболее ярко половозрастной аспект проявляется в подростковом возрасте.

Для достижения цели и подтверждения гипотезы были поставлены следующие задачи:

- провести теоретический анализ российских и зарубежных исследований по проблеме буллинга;
- уточнить понятие «потенциальные участники буллинга»;
- разработать диагностическую программу, позволяющую исследовать половозрастные особенности потенциальных участников буллинга;
- обосновать целесообразность учета половозрастных особенностей потенциальных участников при планировании работы психолога по профилактике буллинга.

С целью определения половозрастных особенностей потенциальных участников буллинга в образовательной среде было проведено эмпирическое исследование, в котором приняли участие 265 учеников в возрасте от 7,5 до 17 лет из 11 школ г. Тулы и Тульской области.

На предварительном этапе исследования проводилась оценка риска буллинга в школе с использованием одноименного опросника ОРБ [Опросник риска буллинга, 2015, с. 146–157], который позволяет выявить факторы риска буллинга внутри класса и внутри школы. Были определены разновозрастные классы с наиболее высокой выраженностью риска буллинга (табл.).

Таблица

Средние значения (M) и средние квадратичные отклонения (SD) по шкалам опросника ОРБ

Распределение по группам	Шкала небезопасности		Шкала благополучия		Шкала разобщенности		Шкала равноправия	
	M	SD	M	SD	M	SD	M	SD
Общая выборка $n = 85$	7,35	2,79	6,55	2,27	2,85	2,36	3,77	2,77
Младшие школьники $n = 29$	5,85	2,11	7,21	2,65	2,75	2,19	3,19	2,17
Подростки $n = 32$	8,74	3,31	5,65	1,97	3,47	2,81	3,97	2,95
Старшеклассники $n = 24$	7,45	2,97	6,81	2,19	2,35	2,09	4,15	3,18

Для основного этапа исследования половозрастных особенностей потенциальных участников буллинга было отобрано 85 учеников из трех школ и сформированы три возрастные выборки – младшие школьники, подростки и старшеклассники, в каждой из них выделены группы мальчиков и девочек. При проведении пилотного исследования контрольная группа не формировалась.

Выборку младших школьников составили 29 учащихся (13 девочек и 16 мальчиков). В работе с младшими школьниками применялись следующие методики: проективная методика для диагностики школьной тревожности (А. М. Прихожан), тест руки Hand Test (Э. Вагнер), проективный тест лич-

ностных отношений, социальных эмоций и ценностных ориентаций «Домики» (О. А. Орехова), методики «Лесенка» (В. Г. Щур) и «Социометрия».

Выборку подростков составили 32 учащихся (18 девочек и 14 мальчиков). Опираясь на работы Д. Ольвеуса [Olweus, 1978], согласно которым именно в 10–14 лет особенно ярко прослеживается разница полов, а девочки в своем психическом и физическом развитии превосходят мальчиков, мы считаем целесообразным более детальному анализу подвергнуть половозрастную специфику проявления школьной травли в этом возрасте. Использовались следующие методики: опросник Басса – Дарки, тест-опросник «Стиль поведения в конфликте» (К. Томас), методика самооценки психических состояний (Г. Айзенк), методика диагностики уровня эмпатических способностей (В. В. Бойко), тест «Индекс толерантности» (Г. У. Солдатова, О. А. Кравцова, О. Е. Хухлаев).

В выборку старших школьников вошли 24 учащихся (13 девушек и 11 юношей). В работе со старшеклассниками основная задача исследования – определить уровень агрессивности, изучить толерантные и интолерантные установки личности, установить личностную предрасположенность к конфликтному поведению, выявить уровень эмпатических способностей, что и обусловило выбор соответствующих методик: опросник Басса – Дарки, методика «Интолерантность – толерантность» (Л. Г. Почебут), тест-опросник «Стиль поведения в конфликте» (К. Томас), методика «Социометрия» (Дж. Морено), методика диагностики уровня эмпатических способностей (В. В. Бойко).

Статистическая обработка данных проводилась с применением коэффициента ранговой корреляции Спирмена; критерия χ^2 Пирсона и коэффициента сопряженности V Крамера.

Результаты

Проведенное нами исследование позволило выявить в каждой выборке потенциальных участников так называемые группы риска как предполагаемых потенциальных жертв, так и возможных инициаторов травли [Шалагинова, Куликова, Черкасова, 2014].

В выборке младших школьников группу риска потенциальных участников составляют дети, представляющие разные статусные позиции в классе. В первую очередь обращают на себя внимание учащиеся, входящие в группу «звезды». По результатам диагностики у большинства «звезд» (57 %) выявлены эмоциональные проблемы, в частности наличие тревожности. Такие школьники достаточно демонстративны и склонны проявлять всплески агрессии в отношениях с другими. Коэффициент корреляции между социометрическим статусом «звезда» и параметрами «наличие тревожности» (A_n) и «наличие агрессивных черт» (A_f) показал наличие сильной прямой корреляционной связи ($r = 0,71$; $r = 0,67$ при $p \leq 0,05$). Переживание тревожности «звездами» объясняется чрезмерной старательностью при выполнении заданий и озабоченностью сохранением своего статуса в глазах учителя и одноклассников, что указывает на конфликтность самооценки такого ребенка.

В группу риска также входят учащиеся со статусами «отвергнутый» и «непринятый». Это неуверенные в себе дети с заниженной самооценкой, неспособные управлять своими эмоциями, имеющие проблемы в поведении и общении и проявляющие тревожность. Постоянное «негативное внимание» со стороны учителя и одноклассников способствует фиксации и усилению тревожности, подкрепляя тем самым и нежелательные формы поведения ребенка. Коэффициент корреляции между социометрическим статусом «отвергнутый» и параметрами «эмоциональная устойчивость» (*ESt*) и «наличие тревожности» (*An*) выявил наличие сильной обратной и прямой корреляционных связей (соответственно $r = -0,63$; $r = 0,74$ при $p \leq 0,05$). Коэффициент корреляции между социометрическим статусом «непринятый» и параметрами «эмоциональная устойчивость» (*ESt*) и «наличие тревожности» (*An*) показал наличие средней обратной и прямой корреляционных связей (соответственно $r = -0,58$; $r = 0,63$ при $p \leq 0,05$).

В группу риска потенциальных участников из выборки подростков вошли учащиеся, у которых выявлен заниженный уровень эмпатии (33 % респондентов), низкий уровень толерантности (27 %) и повышенный уровень агрессивности (34 %). 34 % респондентов данной выборки предпочитают в конфликте стратегию соперничества. Подростки данной категории испытывают затруднения в установлении контактов со сверстниками, проявляют неприятие и непонимание индивидуальных особенностей других людей, они используют себя в качестве эталона при оценке поведения и образа других людей. Подростков группы риска отличает грубость, резкость, вспыльчивость, неумение прощать другим ошибки, категоричность, неумение скрывать или сглаживать неприятные чувства по отношению к поведению сверстников, стремление при помощи агрессии, часто физической, отреагировать данные эмоции. Они стремятся добиться удовлетворения своих интересов в ущерб другому. Все вышеперечисленное способствует тому, что такие подростки могут проявлять себя либо в роли буллера, либо «жертвы», так как неадекватное проявление агрессии, отсутствие понимания и принятия в ситуациях коммуникации между сверстниками делает их мишенями ответной агрессии. Проведенный корреляционный анализ наглядно показывает взаимосвязь высокого уровня агрессии и низкого уровня эмпатии, низкого уровня толерантности и использование стратегии соперничества в конфликте. Коэффициент корреляции между параметрами «уровень агрессивности» (*Ag*) и «уровень эмпатии» (*Em*), «уровень толерантности» (*T*) и «соперничество» (*Rs*) демонстрирует наличие сильных прямых корреляционных связей (соответственно $r = 0,71$; $r = 0,67$ и $r = 0,73$ при $p \leq 0,05$). Для испытуемых характерны стремление к использованию физической силы против другого лица и готовность к проявлению резкости, грубости.

Гендерный анализ результатов исследования показал, что уровни эмпатии девочек и мальчиков несущественно отличаются между собой, средние значения показателей равны 25,9 и 20,9 соответственно. Коэффициент корреляции между уровнем эмпатии и полом испытуемых подтвердил наличие слабой корреляционной связи ($r = 0,366$ при $p \leq 0,05$).

Существует различие средних значений показателей уровня толерантности девочек и мальчиков – 87,8 и 58,0 соответственно. Коэффициент корреляции между уровнем толерантности и полом испытуемых свидетельствует о наличии средней корреляционной связи ($r = 0,512$ при $p \leq 0,01$).

Обнаруживается различие средних значений показателей уровня агрессивности девочек и мальчиков – 21,8 и 28,1 соответственно. Коэффициент корреляции между уровнем агрессивности и полом испытуемых говорит о наличии слабой обратной корреляционной связи ($r = -0,493$ при $p \leq 0,01$).

Для выявления корреляционных связей между номинальными шкалами «пол: мальчики, девочки» и «тип поведения в конфликте: соперничество, приспособление, избегание, компромисс, сотрудничество» использовались критерий χ^2 Пирсона и уточняющий коэффициент сопряженности V Крамера. Качественные значения были закодированы: мальчики (1); девочки (2); соперничество (1); приспособление (2); избегание (3); компромисс (4); сотрудничество (5). Статистическая обработка данных осуществлялась с использованием программы SPSS Statistics 17.0. Были получены следующие данные: $\chi^2 = 7,37$ при $p = 0,118$. Число степеней свободы – 4. Критическое значение критерия χ^2 Пирсона при уровне значимости $p = 0,05$ и числе степеней свободы 4 составило 9,49. Сравнивая полученное значение критерия χ^2 с критическим ($7,37 < 9,49$), получили, что зависимость частоты случаев «пол» и «поведение в конфликте» – статистически незначимы, что вполне возможно из-за небольшого объема выборки. Поэтому с целью оценки силы взаимосвязи использовался уточняющий симметрический критерий V Крамера. Были получены следующие результаты: V Крамера = 0,468, что говорит о наличии в выборке некоторых умеренных корреляционных связей. Анализируя полученные данные, следует выделить наиболее возможные случаи возникновения корреляционной связи между: полом «девочки» и типом поведения в конфликте «соперничество»; полом «мальчики» и типом поведения в конфликте «компромисс».

Для выявления корреляционных связей между номинальными шкалами «пол: мальчики, девочки» и «преобладающий тип агрессии: физическая, косвенная, вербальная, не выявлено» использовались критерий χ^2 Пирсона и уточняющий коэффициент сопряженности V Крамера. Качественные значения были закодированы: мальчики (1); девочки (2); физическая (1); косвенная (2); вербальная (3); не выявлено (4). Были получены следующие данные: $\chi^2 = 13,99$ при $p = 0,01$. Число степеней свободы – 3. Критическое значение критерия χ^2 Пирсона при уровне значимости $p = 0,01$ и числе степеней свободы 3 составило 11,3. Сравнивая полученное значение критерия χ^2 с критическим ($13,99 > 11,3$), отметили, что зависимость частоты случаев «пол» и «преобладающий тип агрессии» – статистически значимы. С целью оценки силы взаимосвязи использовался уточняющий симметрический критерий V Крамера. Были получены следующие результаты: V Крамера = 0,661 при $p = 0,003$, что свидетельствует о наличии в выборке средних корреляционных связей. На основе анализа данных можно утверждать, что наиболее возможные случаи возникновения корреляционной связи выявлены между

полом «мальчики» и типом агрессии «физическая»; полом «девочки» и типами агрессии «косвенная», «вербальная».

Таким образом, для девочек-подростков более характерна косвенная и вербальная агрессия, которая в поведении буллера представлена сарказмом, сплетнями, высмеивающим поведением, порчей вещей «жертвы». В конфликте девочкам свойственны различные типы поведения, в числе которых преобладает соперничество, т. е. стремление удовлетворить свои интересы в ущерб другому. Но в отличие от мальчиков, девочки делают это не с помощью прямой физической агрессии, а действуют через других лиц (тех же мальчиков) или косвенно воздействуют на соперников «психологически», проявляя социальную агрессию. Уровень толерантности у девочек-подростков выше, чем у мальчиков, что в целом не противоречит исследованиям возрастной психологии, однако часто в ситуациях школьной травли коммуникативная толерантность не проявляется, что говорит о том, что толерантность еще не стала чертой личности. Как показывает наблюдение, девочки-подростки более склонны к манипуляциям и созданию ситуаций травли, при этом лично не всегда в них участвуют. Можно сказать, что девочки-подростки чаще являются «скрытыми» буллерами.

Мальчиков-подростков отличает прямая физическая агрессия в отношении сверстников, более низкий по сравнению с девочками уровень толерантности, они демонстрируют незначительные отличия в уровне эмпатии и стремление находить компромисс в конфликтных ситуациях. Мальчики-подростки – буллеры склонны действовать более открыто, показывая свою агрессию в ситуациях школьного насилия, преследуя «жертву» лично, а не через посредников. Они менее чувствительны к индивидуальным особенностям других и не учитывают их при общении, редко соглашаются с мнением сверстников, если оно отличается от их собственного. При участии взрослого (педагога, психолога) часто идут на компромисс и взаимные уступки. Буллинг в мальчишеской среде более очевиден для участников образовательного процесса, и, следовательно, взрослые чаще принимают меры для его устранения.

В выборке старшеклассников к группе риска можно отнести учащихся с предрасположенностью к роли буллера, которых характеризует повышенный уровень агрессивности, низкий уровень толерантности, как личностной, так и коммуникативной, низкий уровень принятия других, склонность к соперничеству в конфликтной ситуации. Социальный статус таких старшеклассников определяется как «звезды» и «предпочитаемые».

Коэффициент корреляции между социометрическим статусом «звезда» и параметрами «соперничество» (R_s) и «уровень агрессивности» (Ag), «уровень толерантности» (T) и «уровень принятия других» (Aol) выявил наличие сильной прямой (соответственно $r = 0,76$; $r = 0,79$ при $p \leq 0,05$) и обратной (соответственно $r = -0,67$; $r = -0,59$ при $p \leq 0,05$) корреляционных связей. Коэффициент корреляции между социометрическим статусом «предпочитаемые» и параметрами «соперничество» (R_s) и «уровень агрессивности» (Ag), «уровень толерантности» (T) и «уровень принятия других» (Aol) показал наличие силь-

ной прямой (соответственно $r = 0,73$; $r = 0,69$ при $p \leq 0,05$) и обратной (соответственно $r = -0,59$; $r = -0,56$ при $p \leq 0,05$) корреляционных связей.

К группе риска также могут быть отнесены старшеклассники, предрасположенные к роли жертвы в ситуациях буллинга. Для юношей и девушек данной категории характерен низкий уровень агрессии, избегание в качестве стратегии поведения в конфликте, низкий или средний уровень толерантности и принятия других. Социальный статус таких старшеклассников определяется как «отвергнутые». Коэффициент корреляции между социометрическим статусом «отвергнутые» и параметрами «избегание» (As) и «уровень агрессивности» (Ag), «уровень толерантности» (T) и «уровень принятия других» (Aol) демонстрирует наличие сильной прямой ($r = 0,79$) и обратной (соответственно $r = -0,62$; $r = -0,57$; $r = -0,53$ при $p \leq 0,05$) корреляционных связей.

Заключение

В настоящее время существует множество программ в разных странах мира по предотвращению школьной травли. Во всех этих программах применяются общие методы профилактической работы, например: регулярные анонимные опросы школьников о существовании травли; обсуждение данной проблемы на классных, школьных и родительских собраниях; разработка самими учениками кодекса поведения; усиление внимания учителей к поведению детей на переменах и во дворе школы; обучение учителей стратегиям профилактики травли. Опираясь на опыт зарубежных авторов [Agoa, 1994; Olweus, 1984; The nature ... , 1999; Roffey, 2000; Schäfer, 1998] и результаты, полученные в нашем исследовании по каждой выборке с учетом половозрастного аспекта, были определены основные мишени, внимание к которым необходимо при планировании работы психолога по профилактике и минимизации риска школьной травли. Подчеркивается важность проведения цикла отдельных занятий для мальчиков и девочек.

Целью работы с младшими школьниками должна стать профилактика предпосылок буллинга, направленная на работу как с вероятными буллерами, так и с потенциальными жертвами. Основной акцент необходимо сделать на развитии коммуникативных навыков, умении работать в группе, снижении уровня агрессивности, коррекции и устранении гнева, снижении личностной тревожности школьников, оптимизации социального статуса ребенка в коллективе сверстников [Ларченко, 2015].

В работе с мальчиками-подростками необходимо формировать у них навыки адекватного и безопасного выражения гнева; учить подростков понимать психологическую сущность агрессии, ее специфику, особенности; оптимизировать взаимодействие подростков в коллективе, повышать уровень эмпатии и толерантности; способствовать «раскрепощению» эмоциональной сферы. При организации занятий с мальчиками-подростками особое внимание следует уделять их двигательной активности. Мальчики по природе своей менее сдержанны и неспособны контролировать свое поведение с таким же успехом, как девочки.

Девочки подросткового возраста иногда отличаются своей нерешительностью. При проведении профилактической работы следует создавать для них ситуации успеха. В работе с девочками-подростками акцент делается на развитии способности понимать свои чувства, осознавать негативные эмоции, уметь адекватно проявлять и сдерживать негативные эмоции в отношении других людей; стремиться к снижению уровня вербальной, косвенной агрессии, повышению уровня эмпатии, формированию навыков конструктивного решения конфликтных ситуаций [Гребенкин, 2013].

В работе по предупреждению буллинга в группе риска старшеклассников в отношении потенциальных инициаторов травли следует снижать уровень агрессивных и враждебных реакций, склонность к рискованному поведению; развивать как личностную, так и коммуникативную толерантность, эмпатийное принятие других; формировать навыки конструктивного поведения в конфликтах. В работе со старшеклассниками, предрасположенными к роли жертвы в ситуациях буллинга, акцент смещается в первую очередь на формирование умений отстаивать границы психологического пространства собственной личности, повышение социометрического статуса в коллективе, обучение эффективным стратегиям поведения в конфликтных ситуациях.

Таким образом, в ходе нашего исследования уточнено понятие «потенциальные участники буллинга», рассматриваемое нами как обобщенное определение ролевой позиции наблюдателей и свидетелей школьной травли. Очевиден тот факт, что у потенциальных участников существует риск стать жертвой, равно как и буллером. Такие потенциальные участники, по нашему мнению, составляют группы риска.

Систематизированы и обобщены половозрастные особенности потенциальных участников буллинга. Риск попадания в буллинг-группы потенциальных участников определяется пересечением типичных для каждого возраста и пола свойств и качеств личности (враждебность и агрессивность, социометрический статус, уровень и направленность аффективных реакций, специфика поведения в конфликтной ситуации).

Учет половозрастных особенностей потенциальных участников буллинг-групп необходим при планировании работы психолога по профилактике школьной травли. Выявление особенностей поведения в ситуации возможного буллинга детей разных возрастов, разных полов (мальчики/девочки) и разработка комплекса профилактических мероприятий на их основе позволят вывести подобную деятельность на качественно новый уровень.

Список литературы

- Алексеева Л. С.* Жестокое обращение с детьми: его последствия и предотвращение. М. : Нац. книж. центр, 2016. 180 с.
- Бочавер А. А., Хломов К. Д.* Буллинг как объект исследований и культурный феномен // Психология. Журн. Высш. шк. экономики, 2013. Т. 10, № 3. С. 149–159.
- Глазман О. Л.* Психологические особенности участников буллинга // Изв. Рос. гос. пед. ун-та им. А. И. Герцена. 2009. № 105. С. 159–165.
- Гребенкин Е. В.* Профилактика агрессии и насилия в школе. Ростов н/Д : Феникс, 2013. 157 с.

Екимова В. И., Залалдинова А. М. Жертвы и обидчики в ситуации буллинга: кто они? // *Соврем. зарубеж. психология*. 2015. Т. 4, № 4. С. 5–10.

Кривцова С. В., Шапкина А. Н., Белевич А. А. Буллинг в школах мира: Австрия, Германия, Россия // *Образоват. политика*. 2016. № 3 (73). С. 97–119.

Кутузова Д. А. Травля в школе: что это такое и что можно с этим делать // *Психология и школа*. 2006. № 4. С. 54–72.

Кутузова Д. А. Травля в школе. Мифы и реальность, 2011. [Электронный ресурс]. URL: <http://medportal.ru/budzdrogova/child/625/> (дата обращения 19.02.2019).

Ларченко Н. А. Буллинг – причины, формы, профилактика : метод. материал. Волгоград, 2015. 23 с.

Лэйн Д. Школьная травля (буллинг). Детская и подростковая психотерапия / под ред. Д. Лэйна и Э. Миллера. СПб. : Питер, 2001. С. 240–274.

Опросник риска буллинга / А. А. Бочавер [и др.]. // *Вопр. психологии*. 2015. № 5. С. 146–157.

Петросянец В. А. Психологическая характеристика старшеклассников, участников буллинга в образовательной среде [Электронный ресурс] // *Эмиссия : электрон. науч. журн.* 2010. URL: <http://www.emissia.org/offline/2010/1479.htm> (дата обращения 19.02.2019).

Собкин В. С., Маркина О. С. Влияние опыта переживаний «школьной травли» на понимание подростками фильма «Чучело» // *Вестн. практ. психологии образования*. 2009. № 1. С. 48–57.

Шалагинова К. С., Куликова Т. И., Черкасова С. А. Теоретико-методические основы деятельности педагога-психолога по предотвращению буллинга в школах Тульского региона: гендерно-возрастной аспект. Тула : ГРИФ и К, 2014. 237 с.

Arora C. M. J. Measuring bullying with the life in School checklist // *Patoral Care in Education*, 1994. N 12. P. 11–15.

Olweus D. Aggression in the schools. Bullies and whipping boys. Washington : Hemisphere Publishing Corporation, 1978. 218 p.

Olweus D. Aggressors and their victims: bullying at school // *Disruptive behaviours in schools* / ed. H. Gault. New York : Wiley, 1984. P. 57–76.

The nature of school bullying: a crossnational perspective / D. Olweus, R. Catalano, J. Jungertas, P. Slee, P. K. Smith. London, UK: Routledge, 1999. P. 141–145.

Roffey S. Addressing bully in schools: organisational factors from policy to practice // *Educational and Child Psychology*, 2000. N 17 (1). P. 6–19.

Schäfer M. Gruppenzwang als Ursache für Bullying? // *Report Psychologie*. 1998. N 11/12. P. 914–927.

Taking into Account Gender and Age Dimensions of Potential Bulling Participants When Planning Its Prevention

K. S. Shalaginova, T. I. Kulikova, S. A. Zalygaeva

Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University, Tula, Russian Federation

Abstract. The paper presents the results of the empirical research of gender and age aspects of potential bullying participants, and identifies main targets to be taken into account when a psychologist plans how to prevent it. The analysis of foreign and Russian psychological research devoted to the problem of bullying allowed the authors to suggest that the risk for a child to get into a bullying group depends on a combination of personality qualities and properties typical of each age and gender. To identify the correlation between the selected parameters the authors carried out statistical processing of the data using Spearman's rank correlation coefficient,

Pearson's chi-squared test, and Cramer's coefficient of contingency V. Gender and age aspect is more evident during adolescence.

Keywords: gender and age aspect of bullying, potential participants of bullying, bullying prevention.

For citation: Shalaginova K.S., Kulikova T.I., Zalygaeva S.A. Taking into Account Gender and Age Dimensions of Potential Bullying Participants When Planning Its Prevention. *The Bulletin of Irkutsk State University. Series Psychology*, 2019, vol. 29, pp. 91-104. <https://doi.org/10.26516/2304-1226.2019.29.91> (in Russian)

References

Alekseeva L.S. *Zhestokoe obrashchenie s det'mi: ego posledstviya i predotvrashchenie* [Child abuse: its effects and prevention]. Moscow, National Book Center Publ, 2016, 180 p. (in Russian)

Bochaver A.A., Khlomov K.D. Bulling kak objekt issledovaniya i kulturnyi fenomen [Bulling as an object of research and a cultural phenomenon]. *Psikhologiya. Zhurnal Vysshei shkoly ekonomiki* [Psychology. Journal of Higher School of Economics], 2013, vol. 10, no. 3, pp. 149-159. (in Russian)

Glazman O.L. Psikhologicheskie osobennosti uchastnikov bullinga [Psychological features of the participants of the bullying]. *Izvestiya Rossiiskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta imeni A.I. Gertsena* [News of the Russian State A.I. Herzen Pedagogical University], 2009, no. 105, pp. 159-165. (in Russian)

Grebenkin E.V. *Profilaktika agressii i nasiliya v shkole* [Preventing aggression and violence at school]. Rostov-na-Donu, Feniks Publ., 2013, 157 p. (in Russian)

Ekimova V.I., Zalaldinova A.M. Zhertvy i obidchiki v situatsii bullinga: kto oni? [Victims and offenders in a bullying situation: who are they?]. *Sovremennaya zarubezhnaya psikhologiya* [Modern foreign psychology], 2015, vol. 4, no. 4, pp. 5-10. (in Russian)

Krivtsova S.V., Shapkina A.N., Belevich A.A. Bulling v shkolakh mira: Avstriya, Germaniya, Rossiya [Bulling in world schools: Austria, Germany, Russia]. *Obrazovatel'naya politika* [Educational policy], 2016, no. 3 (73), pp. 97-119. (in Russian)

Kutuzova D.A. Travlya v shkole: chto eto takoe i chto mozžno s etim delat [Harassment at school: what is it and what can you do about it]. *Psikhologiya i shkola* [Psychology and school], 2006, no. 4, pp. 54-72. (in Russian)

Kutuzova D.A. *Travlya v shkole. Mify i realnost* [Bullying at school. Myths and Reality], 2011. Available at: <http://medportal.ru/budzdorova/child/625/> (date of access: 20.03.2019). (in Russian)

Larchenko N.A. *Bulling – prichiny, formy, profilaktika* [Bullying – causes, forms, prevention]. Volgograd, 2015, 23 p. (in Russian)

Lein D., Miller E. (eds.). *Shkolnaya travlya (bulling). Detskaya i podrostkovaya psikhoterapiya* [School baiting (bullying). Child and adolescent psychotherapy]. Saint-Petersburg, Piter Publ., 2001, pp. 240-274. (in Russian)

Bochaver A.A. (et al.). Oprosnik riska bullinga [Bullying Risk Questionnaire]. *Voprosy psikhologii* [Psychology Issues], 2015, no. 5, pp. 146-157. (in Russian)

Petrosyants V.A. Psikhologicheskaya kharakteristika starsheklassnikov, uchastnikov bullinga v obrazovatel'noi srede [Elektronnyi resurs] [Psychological characteristics of high school students, participants of bullying in the educational environment]. *Emissiya. Elektronnyi nauchnyi zhurnal* [Emission. Electronic Scientific Journal], 2010. Available at: <http://www.emissia.org/offline/2010/1479.htm> (date of access: 19.02.2019). (in Russian)

Sobkin V.S., Markina O.S. Vliyanie opyta perezhivaniya «shkol'noi travli» na ponimanie podrostkami fil'ma “Chuchelo” [Influence of the experience of “school bullying” on the teenagers' understanding of the film “Effigy”]. *Vestnik prakticheskoi psikhologii obrazovaniya* [Bulletin of practical psychology of education], 2009, no. 1, pp. 48-57. (in Russian)

Shalaginova K.S., Kulikova T.I., Cherkasova S.A. *Teoretiko-metodicheskie osnovy deyatel'nosti pedagoga-psikhologa po predotvrashcheniyu bullinga v shkolakh Tul'skogo regiona: genderno – vozrastnoi aspekt* [Theoretical and methodological foundations of the ac-

tivities of the teacher-psychologist to prevent bullying in schools of the Tula region: gender – age aspect]. Tula, GRIF i K Publ., 2014, 237 p. (in Russian)

Arora C.M. J. Measuring bullying with the life in School checklist. *Patoral Care in Education*, 1994, no. 12, pp. 11-15.

Olweus D. *Aggression in the schools. Bullies and whipping boys*. Washington, Hemisphere Publishing Corporation, 1978, pp. 218.

Olweus D. Aggressors and their victims: bullying at school. *Disruptive behaviours in schools*. New York, Wiley Publ., 1984, pp. 57–76.

Olweus D., Catalano R., Jungertas J., Slee P., Smith P. K. *The nature of school bullying: a crossnational perspective*. London, UK: Routledge Publ., 1999, pp. 141-145.

Roffey S. Addressing bully in schools: organisational factors from policy to practice. *Educational and Child Psychology*, 2000, no. 17 (1), pp. 6-19.

Schäfer M. Gruppenzwangals Ursachefür Bullying? *Report Psychologie*, 1998, no. 11/12, pp. 914-927.

Шалагинова Ксения Сергеевна

кандидат психологических наук, доцент
кафедра психологии и педагогики
Тульский государственный педагогический
университет им. Л. Н. Толстого
Россия, 300026, г. Тула, пр. Ленина, 125
e-mail: shalaginvaksenija99@yandex.ru

Shalaginova Kseniya Sergeevna

Candidate of Sciences (Psychology),
Associate Professor, Department
of Psychology and Pedagogics
Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University
125, Lenin av., Tula, 300026,
Russian Federation
e-mail: shalaginvaksenija99@yandex.ru

Куликова Татьяна Ивановна

кандидат психологических наук, доцент
кафедра психологии и педагогики
Тульский государственный педагогический
университет им. Л. Н. Толстого
Россия, 300026, г. Тула, пр. Ленина, 125
e-mail: tativkul@gmail.com

Kulikova Tatyana Ivanovna

Candidate of Sciences (Psychology),
Associate Professor, Department
of Psychology
Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University
125, Lenin av., Tula, 300026,
Russian Federation
e-mail: tativkul@gmail.com

Залыгаева Светлана Александровна

кандидат психологических наук, доцент
кафедра психологии и педагогики
Тульский государственный педагогический
университет им. Л. Н. Толстого
Россия, 300026, г. Тула, пр. Ленина, 125
e-mail: cherkasova81@mail.ru

Zalygaeva Svetlana Alexandrovna

Candidate of Sciences (Psychology),
Associate Professor, Department
of Psychology
Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University
125, Lenin av., Tula, 300026,
Russian Federation
e-mail: cherkasova81@mail.ru

Дата поступления: 13.08.2019

Received: August, 13, 2019